

ИЗДАЁТСЯ С 1803 ГОДА
(№ 1501)
ISSN 0130-6928

МИНПРОСВЕЩЕНИЯ УСИЛИЛО РАБОТУ ПО МОНИТОРИНГУ И АНАЛИЗУ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ШКОЛ УЧЕБНИКАМИ. ЧИСЛО ПРИОБРЕТЁННЫХ УЧЕБНИКОВ В 2023 ГОДУ ПОЧТИ НА 12 МЛН ЕДИНИЦ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В ПРОШЛОМ ГОДУ, И СОСТАВИЛО 66 МЛН.

<https://edu.gov.ru/press>

6

/2023

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

PUBLIC EDUCATION

В номере:

Хорошо образованный школьник, и он же — мерзавец: как такое может быть?

О подготовке учителей к работе в этнокультурной среде

Советское детство: взгляд из XXI века

РУССКИЙ ЯЗЫК

Школьное образование: опыт анализа проблем и постановки задач обновления

Русский язык в условиях интервенции (хроники культурной войны)

Образование в период импортозамещения



№ 6 · 2023

ИЗДАЁТСЯ С 1803 ГОДА (№1501)

Журнал основан имп. Александром I в 1803 году

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации № 203 от 22 июня 1994 г.

Учредители журнала: *Министерство образования РФ, Российская академия образования, Педагогическое общество России, АНО «Издательский дом “Народное образование”»*

Редакционная коллегия (экспертный совет):

Елена Шишмакова, главный редактор журнала «Народное образование», кандидат педагогических наук

Митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий (Морарь)

Вера Бедерханова, профессор, доктор педагогических наук

Владимир Беспалько, академик РАО

Анатолий Вифлеемский, доктор экономических наук

Сергей Воровщиков, профессор, доктор педагогических наук

Анатолий Ермолин, кандидат педагогических наук

Александр Камнев, доктор биологических наук

Татьяна Кисарова, главный редактор издательства «Педагогическое общество России»

Ирина Колесникова, профессор, доктор педагогических наук

Александр Кузнецов, министр образования и науки Челябинской области

Александр Литвинов, заслуженный учитель РФ

Валерия Мухина, академик РАО

Андрей Остапенко, профессор, доктор педагогических наук

Марк Поташник, академик РАО

Виктор Слободчиков, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Мурат Чошанов, профессор, доктор педагогических наук

Сергей Яковлев, кандидат педагогических наук

Евгений Ямбург, академик РАО

Витольд Ясвин, профессор, доктор психологических наук

Редакция:

Елена Шишмакова (*главный редактор*), Любовь Купфер (*выпускающий редактор*),

Светлана Лячина (*ответственный секретарь*), Арсений Замостьянов (*консультант*),

Тамара Ерегина (*редактор*)

Производство: Максим Буланов (*вёрстка*), Артём Цыганков (*технолог*)

Адрес редакции: 109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2.

Тел./факс: (495) 345-52-00. E-mail: narob@yandex.ru, po.podpiska@yandex.ru

С журналами и книгами издательства можно ознакомиться на сайте www.narodnoe.org

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций.

РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ИНТЕРВЕНЦИИ (хроники культурной войны)



Андрей Александрович Остапенко,
доктор педагогических наук, профессор
Кубанского государственного университета
и Екатеринодарской духовной семинарии,
г. Краснодар, ost101@mail.ru



Темыр Айтчевич Хагуров,
доктор социологических наук, профессор
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, khagurov@mail.ru

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Ф. И. Тютчев

Русский язык как одна из главных скреп многонационального и поликонфессионального Русского мира в последние десятилетия подвергалась и продолжает подвергаться яростным интервенциям через вторжение криминального жаргона, матерной брани, интернет-сленга, неоправданного использования латиницы и англицизмов. Это, по мнению авторов статьи, приводит к резкой примитивизации выразительных средств актуального языка, прежде всего у молодёжи.

• русский язык • культурная война • языковые интервенции • криминальный жаргон • матерная брань • интернет-сленг • англицизмы • языковые инверсии

Русский язык как ключевая скрепа Русского мира

Мы уже писали о том, что двумя главными **скрепами**, удерживающими единство многонационального, поликонфессионального и поликультурного Русского мира, были, есть и будут великий, могучий, живой **великорусский язык** и **объединяющая история** совместных *прошлых* и *будущих* побед и достижений. И когда

враги и соперники Русского мира сегодня пытаются его уничтожить (принизить, поработать и т. п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры просвещения. Проблем истории мы уже подробно касались [1], обратимся к проблемам языка.

В этой статье затронем те искажения русского языка, русского слова, последствия которых отдаются эхом на площадях и улицах, охваченных огнём протестов и столкновений. Уместен вопрос: а не преувеличиваем ли мы значение обсуждаемого предмета? В конце концов кризис языка — проблема скорее культурологов и эстетов, а не политиков. Однако не всё так просто. Не случайно очень часто вопрос о языке превращался в важнейший политический вопрос. Примером может служить отношение к русскому языку на всём постсоветском пространстве и особенно в современной Украине.

Итак, язык — это важнейшая скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ. Ввиду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное.

Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее — единство образов, метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык — хранилище смыслов и образов. Для нашего народа таким хранилищем, безусловно, есть язык *русской литературы*, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить главное достоинство русской литературы к её золотому веку — уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша литература всегда была

интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева и украинца Павла Загребельного, и огромное количество других произведений, этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле язык большой русской литературы поистине интернациональный, вобравший в себя правду и мудрость всех без исключения народов и этносов нашего общего дома — Государства Российского.

Но нужно понимать и то, что русский язык стал объектом войны. И последствия этой войны нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык — их хранитель. И об этом недвусмысленно было заявлено ещё в первой редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утверждённой 31 декабря 2015 г.: «Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путём внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также **снижение роли русского языка в мире**, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки **фальсификации российской и мировой истории**, противоправные посяательства на объекты культуры» [2].

Русский язык пережил в последние 30–35 лет как минимум *семь (!)* мощнейших и сокрушительных *вторжений*.

Вторжение криминального сленга

Первое из них — это **вторжение криминального сленга** (по-научному «арго», в просторечии — «феня»), захлестнувшего страну в конце 80-х — начале 90-х. На «фене» заговорили вдруг все: студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т. д. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере внедрённая кинематографом и другими средствами массовой информации. Соответственно, не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России 90-х и нулевых.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли привнесённые этим языком смыслы — «блатная» идеология, «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, нагло присвоившим себе высокое название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Суть проста — это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте — «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже — в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников. Надо понимать, что употребление криминального сленга, по сути, оправдывает такой образ жизни. На вопрос «Ты зачем обидел девушку?» мы слышим в ответ: «Я не девушку обидел, а тёлку развёл». А на вопрос «Ты зачем обманул человека?» слышим ответ: «Я не человека обманул, а лоха кинул».

Наглое воровство имени «шансон» у высокого жанра французской песенной поэзии и перенос его в сферу блатного фольклора стал одним

из факторов неокриминализации молодёжи на всём постсоветском пространстве. Сегодня слово «шансон» уже почти не связывается с великими именами Эдит Пиаф, Мориса Шевалье, Жоржа Брассенса или Шарля Азнавура, а добавление к нему определения «русский» и вовсе ассоциируется с блатными так называемыми «песнями неволи», что дискредитирует оба слова — и «шансон», и «русский». И сегодня словосочетание «русский шансон» устойчиво связано с криминальным миром.

Талантливо написанные Александром Розенбаумом песни типа «Гоп-стоп» или «Нинка, как картинка, с фраером гребёт...» могут замечательно вписаться в спектакль, поставленный по «Одесским рассказам» Исаака Бабеля, но звучащие вне этого контекста со сцены Кремлёвского Дворца выглядят по меньшей мере пошло и несуразно в пространстве Кремля как сакрального места для нашего Отечества. И совершенно очевидно, что создание телеканалов «Ля-минор», «Шансон-ТВ» и более десятка схожих радиоканалов («Шансон FM», «Шансон 24», «Шансон шофёрский», «Donat FM — Шансон Радио», «Radio Caprice — Русский Постшансон», «Блатрадио», «Блат FM» и т. п.) и создало почву для утверждения в правоте молодёжного неокриминального движения А.У.Е.

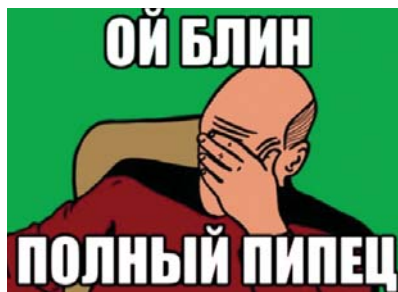


Вторжение матерной брани

Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование и **вторжение матерной брани**, вдруг ставшей языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и милостивых девушек-школьниц. В 90-е и нулевые мат стал повсеместно звучать в кино, в театре, по радио. И когда в 2014 г. был поднят вопрос о его запрете в кино, против этого неожиданно выступил Никита Михалков: «Мат — одно из великих изощрённых изобретений русского народа. Есть отвратительный мат, когда на нём разговаривают в электричке, но есть мат как средство выражения крайнего состояния человека — боль, война, атака, смерть, и это оправдано ситуацией. Я считаю, что это вещи, которые надо будет оговаривать в каждом конкретном случае». С подобными заявлениями выступил другой режиссёр — Фёдор Бондарчук. Получается, что Бондарчук-старший мог снимать гениальное кино о войне без мата, а Бондарчук-младший — не может. Василий Макарович Шукшин умел, а Никита Сергеевич — не очень. Как-то не очень складывается.

А чем можно оправдать включение в состав Общественного совета при комитете Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре главного матерщинника страны Сергея Шнурова¹?

После принятия хоть каких-то законодательных запретов на нецензурную брань в обществен-



венных местах наш язык засорили всяческие эвфемизмы типа «блин», «мля», «песец», «пипец», «трындец» и т. п. Но ведь матерные слова и эвфемизмы, по сути, братья-близнецы.

¹ С. Шнуров — лидер группы «Ленинград», тексты песен которого составлены из простых двух- и четверостиший, избытоющих просторечиями, жаргонизмами и ненормативной лексикой.

Вторжение англицизмов

Ещё одно травмирующее язык вторжение — это **засилье англицизмов**, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т. п. стали словами-метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов, волонтёров и омбудсменов появилось чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство: русский язык перестаёт быть языком современности. Им стал английский, причём в корябщем слух людей, получивших классическое инъязовное образование, варианте «American-English». Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 г. его председатель патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово “тенденция” заменили английским “тренд”? Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Одной из наиболее активных организаций, продвигающих атаку англицизмов, стало Агентство стратегических инициатив (АСИ) — российская автономная некоммерческая организация, основанная Правительством России с целью продвижения приоритетных проектов, реализации мер по улучшению бизнес-среды в России, развития профессиональных кадров и т. д. «АСИ — “агент изменений”, работающий вместе с лидерами над масштабными инициативами и объединяющий усилия общества, бизнеса и государства». Именно так они себя представляют на своём сайте. Вот только хочется спросить, о каких таких изменениях идёт речь. Один из самых показательных проектов АСИ — создание так называемых «Точек кипения», которых на конец сентября 2023 г. было уже целых 167 от Калининграда до Камчатки. «Точка кипения» — это пространство,

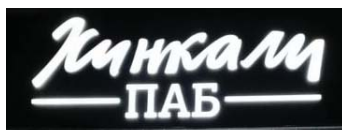
как правило, вуза, созданное для коллективной работы, где студенты и сотрудники учебных заведений смогут реализовывать университетские технологические бизнес-проекты. Показательно, что одна из первых «Точек кипения» открылась в Ельцин-центре в 2018 г. по инициативе Министерства инвестиций и развития Свердловской области.

Приведём простой перечень рекомендованных АСИ форматов осуществления проектов в этих самых «Точках кипения»: воркшоп, коворкинг, супервизия, хакатон, кастинг, планинг-сессия, питч-сессия, форсайт-сессия, плейбэк-театр, брифинг, митап, питчинг, онлайн-когнитон, стендап-лекция, тест-драйв, демотрек, нетворкинг, спринт-презентация треков. Из 18 перечисленных слов и фраз программа Word в нашем компьютере 13 подчеркнула красным цветом как неизвестные.

Например, «воркшоп — это формат коллективной работы, в рамках которого участники работают в небольших группах под руководством фасилитатора». Когда читаешь в рекомендациях АСИ это определение, то на память приходит старый анекдот о том, чем филателист отличается от сифилитика.

Если АСИ — это «агент изменений», так, может, это иноагент, коль он изменяет сознание молодёжи в определённом направлении?

А ещё нам, живущим на Северном Кавказе, названия ресторана «Мангал-хауз», шашлычной «Кебаб-хауз», чебуречной «Чебур-драйв», хинкальной «Хинкали-паб» указывают только на дурной вкус хозяина заведения.



ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Неоправданное использование латиницы

Говоря об англицизмах, наверное, отдельным видом языкового вторжения можно считать **неоправданное использование латиницы**.

Глядя на русские названия магазинов, написанных латиницей, возникает вопрос — зачем? Привлечь покупателя это не сможет, а оттолкнуть вполне. Или это делается для того, чтобы показать свою приверженность Западу? Так, может, пора всех этих владельцев магазинов «Sumochka», «Marusya», «Milashka» и т. п. обложить дополнительным налогом?



Ведь мы живём в России, а не в Узбекистане, который официально перешёл на латиницу, где самая популярная сеть супермаркетов вынужденно называется «Korzinka».



Полбеда, если это касается названий магазинов. Гораздо неприятнее, если речь идёт об использовании латиницы по отношению к словам, именам, фамилиям, которые составляют русские культурные коды. Примером разрушения такого культурного кода может быть реорганизация Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя в «Гоголь-центр» и использованием перевёрнутых латинских букв в его логотипе с потерянным мягким знаком.





Неприятно видеть в городе, в котором мы живём, торговый центр «Turgenevsky» и элитный жилой комплекс «Pushkin».

Ни Гоголь, ни Пушкин, ни Тургенев этому не обрадовались бы.

Вторжение интернет-сленга

Ещё одно вторжение, на наш взгляд, хуже двух предыдущих. Речь идёт об **интернет-сленге**, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи. Вот только некоторые примеры уродливого интернет-восхищения: «Наши рууууляют форе-еваааа!!!!!!»; «Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал?»; «Жжжжешшь смертельно!!!»; «Ржжжунемагу! Чууумовой фильмец вчера видала!» И если 10–15 лет назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то ещё более отвратительным.

Так, в 2000-е годы в русскоязычном Интернете появился так называемый «жаргон падонков», или «падонкафский йезыг». Его особенность состоит в том, употребление русского языка фонетически почти верно (с некоторыми исключениями вроде *медвед* и т. п.), но орфографически характерно нарочно неправильным написанием слов («эративом» [3], термин Г. Гусейнова), частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, свойственных сленгу. Чаще всего этот жаргон используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и веб-форумах. Именно этот сленг породил множество устойчивых уродливых выражений, таких как «превед», «низачот» и «убейся апстену».

Компьютерные сокращения речи сегодня постепенно превращаются в язык идеограмм

и смайликов, или, как его теперь называют, эмодзи (от яп. *Гэ* — «картинка») и *文字* модзи — «знак», «символ»), и слово исчезает.

В итоге интернет-сленг выхолащивает красоту языка, из языка исчезает всяческий колорит, язык обезличивается и механизмуется.

Вторжение аббревиатур

Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуя манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, Рабфаки, Центрогук и Комсомол» [4]), оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то удалило по системе образования.

Воспитатели детских садов и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО. Сами понимаете, что они должны были называться «мудодками» или «мудистками». Когда вдруг поняли, что такое слово в словаре великорусского языка В. И. Даля уже есть и имеет строго определённый смысл, срочно ещё раз переименовали детские сады в МДОУ, а центры детского творчества — в МУДОД. Учителя теперь ходят на работу в МБОУСОШ, где две буквы «О» обозначают по чьему-то недоброму взгляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УО (раньше так обозначали умственно отсталых). Высший пилотаж аббревиации в образовании — это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для детей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».



Смешение высокого и низкого

Отдельно следует выделить распространённое искажение смыслов русского языка путём смешения высокого и низкого.

Высокие универсальные понятия «мир», «все-ленная» зачастую в названиях магазинов превращают в уродливые частности типа «Мир обоев», «Мир упаковки», «Мир мойки», «Мир ванн» (не удивимся, если где-то есть «Мир унитазов»), «Рыбный мир».

Верующих людей не может не смущать, когда к слову «рай» (как месту вечной совершенной жизни) присовокупляют прилагательные «пивной», «разливной», «колбасный» и т. д., тем самым выхолащивая смысл слова. Но при этом все атрибуты зла и преисподней можно встретить на вывесках магазинов и салонов: магазин женской одежды может называться «Бестия», магазин детской одежды «Хаос», салон свадебной одежды «Эгоистка», а стиль одежды или тату-салон «Инферно». Как видим, ад уже здесь. А мы и не заметили.

Интервенция зла

Результатом этих интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего языка молодёжи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащённый матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, ещё одна интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с трансформацией самой литературы и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена <...> между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. <...> Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к “грязному” слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между “чёрным” отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь. Всё смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. <...> На место психологической прозы приходит патопсихологическая» [5].

Это очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая, вопреки модным идеям, всегда определяется именно литературой, а отнюдь не Интернетом и кинематографом, ибо они всегда вторичны по отношению к литературе.

Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи — *инверсии героев*. На смену традиционному герою — «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой — симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодяями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но любое развёрнутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной статьи, а то и книги.

Что делать?

Вместе с тем сказанного достаточно для того, чтобы в очередной раз задаться вопросом: а чем *по существу* занимается любой художник (в том числе писатель, поэт, вообще деятель искусства), претендующий на некое социальное и творческое признание?

Традиционная (религиозная) культура дала классический ответ: служит Истине, Добру и Красоте. Для традиционного сознания Истина не только прекрасна сама по себе, но и полезна для человека, ибо позволяет определить истинные (благие и красивые) принципы жизнеустройства. Таким образом, историческая и социальная миссия творческой интеллигенции проста и величественна. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи — материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей заключается в воспроизводстве пищи материальной, задача класса «силовиков» — в обеспечении материальной (физической) безопасности, то задача интеллигенции — воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных слов, символов (и не только) для выражения правильных идей.

«Что такое правильные идеи? — спросит просвещённый читатель. — Разве можно делить идеи на правильные и неправильные?!» Можно! Правильные идеи в любом обществе — это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (Милосердие, Правду, Долг, Верность и др.), а с другой, отражают специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяется общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов (слов, картин, звуков музыки) и языков (литературы, музыки, живописи

и т. д.). Так творятся великие произведения культуры, воспаляющие сердца и вдохновляющие умы современников и потомков. Но любые символы *неизбежно стареют*: слова, музыка и картины становятся привычными, приедаются, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека — привычка лишает даже великие символы их силы. И тогда возникает соблазн Сомнения: Истина становится туманной, неоднозначной, и всё большее количество людей *всерьёз* повторяют скептический вопрос Пилата: «Что есть истина?»

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество сломанными табу. XX век дал тому множество примеров — от лозунга русского футуризма «Сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности» до слогана американской контркультуры «Секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции — найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей Правду на понятном им языке. Если не удаётся это совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает. При этом *население* вполне может существовать дальше, но оно, утрачивая историческую память, превращается в «просто людей», чьё поведение направляется уже не столько ценностями, сколько интересами. Для них понятия «патриотизм», «религия», «культурные корни» становятся синонимами слова «благополучие». «Родина там, где ниже налоги» — вот кредо такого кастрированного сознания.

Что делать? Это отнюдь не риторический вопрос, традиционно волнующий русскую интеллигенцию. Не ответив на него, мы оказываемся без точки опоры в ситуации «сомнения» культуры. Ответ на вызовы массовой культуры, утратившей различие

Добра и Зла, может быть только один. Интеллектуалы должны вспомнить о своём долге демаркации границ, отделения высокого от низкого, белого от чёрного, должного от недолжного. О необходимости выносить оценки явлениям культуры и транслировать эти оценки. Делать границы яркими и чёткими. И здесь необходима смелость и честность. Смелость нужна, чтобы противостоять навязчивой интеллектуальной моде и сложившимся на её основе стереотипам массового сознания, чтобы критически оценивать гримасы постмодернистской эстетики, не боясь прослыть «консерваторами», «носителями тоталитарного мышления», «отсталыми», «несовременными» и «негибкими». Часто, к сожалению, отсутствие смелости, боязнь занять непопулярную позицию (среди наших знакомых, коллег и т. д.), помноженные на неверие в возможность изменить мир к лучшему, не позволяют нам резко и определённо выступить в защиту подлинных ценностей и дать оправданно негативную оценку тем или иным явлениям культуры (выставкам, фильмам, телепрограммам, музыкальным произведениям, книгам, популярным героям и т. д.). Разумеется, критикуя, нужно осторожно и внимательно выбирать объекты для критики. Ведь часто новое кажется нам провокационным и опасным только потому, что оно новое. Здесь есть опасность *неофобии* — распространённой сегодня болезни боязни всего нового и современного и *ретрофилии* — идеализации всего старого. Это другая крайность. Мы должны отдавать себе отчёт в том, что у каждого поколения свои герои. Давайте смотреть не на их внешний вид, а на то, какие ценности выражают и транслируют эти герои. При таком взгляде можно видеть, что современное искусство, несмотря ни на что, порождает новых героев, несущих молодёжи традиционные ценности. Другими словами, идеал борьбы за справедливость может олицетворяться фигурой Робина Гуда, а может — образом одинокого борющегося с мафией полицейского. Опасность появляется, когда преступник и бандит становится симпатичным парнем, а полицейский — неприятным типом (как в «Криминальном чтиве» или отечественной «Бригаде»). Происходит переворачивание ценностей с ног на голову, и тут необходимо вмешиваться. Критическая роль интеллигенции — это всегда путь между Сциллой попустительства и Харибдой мизантропии. Честность же нам нужна прежде всего в виде честности

перед самими собой. Нужно внимательно присмотреться к себе и со всей искренностью ответить на вопрос: а не стали ли мы уже сами жертвами «гедонистического сомнения»? Не начинаем ли мы в глубине души считать, что всё относительно, что для кого-то вершина поэзии — Пушкин, а для кого-то блатные песни? Если это так, то это страшно, потому что это *внутренняя капитуляция*. Капитуляция перед лицом торжествующей пошлости, низости и расчеловечивания. И есть веские основания полагать, что опасность такого внутреннего надлома, утраты границ, утраты веры в идеалы отнюдь не выдумана.

Однажды работая с группой учителей на курсах повышения квалификации, мы заострили вопрос об относительности оценок, утверждая, что *не существует объективных критериев для сравнения поэзии А. С. Пушкина и Сергея Шнурова*. Самое удивительное и печальное заключалось в том, что все присутствующие с этим согласились. И были искренне удивлены, когда услышали о существовании такого критерия, как выразительные возможности языка, задающие богатство (А. С. Пушкин) или бедность (С. Шнуров) описаний и интерпретаций окружающего мира и мира человеческих эмоций, чувств и смыслов. Чтобы избежать подобных ошибок, нам нужна честная рефлексия: сами-то мы верим в идеалы или уже привыкли к тому, что всё относительно?

По большому счёту от нас нужно совсем немного: а) дать истинную оценку ложным кумирам и идеалам и б) предъявить обществу истинные идеалы и истинных героев.

Сегодня интеллигенция должна вспомнить о своей исторической миссии — сохранении и защите великих смыслов и ценностей родной и общечеловеческой культуры. Посмотрите — мир стремительно погружается в неоварварство, разрушая последние опоры классической христианской и исламской культуры.

И это вызов прежде всего для интеллигенции. Её задача — найти символы, слова и образы, оживляющие истинные смыслы и ценности. Вспомним пушкинского пророка: «Глаголом жечь сердца людей». Найти эти горячие глаголы, способные разбудить и сплотить власть и народ, — наша общая сегодня задача.

Возвращаясь к теме языка и пережитых им интервенций, вновь встаёт всё тот же вопрос — что делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия культуру и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с культурой и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Войны, которую наиболее ярко стало видно

в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпывающейся этими взрывами, а имеющей множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что на переднем крае этой войны за Русский мир оказывается школьный учитель русской словесности. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам. Ему необходимо адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, — это народная любовь и поддержка. Что конкретно представляют собой эти слагаемые — темы будущих статей, и не только наших. **НО**

Список использованных источников

1. Хагуров, Т. А. Война, которую может выиграть учитель истории и литературы. Размышления социолога к 150-летию окончания Кавказской войны / Т. А. Хагуров // Основы православной культуры в школе. 2014. № 4. С. 10–23.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. URL: <http://base.garant.ru/71296054/>
3. Гусейнов, Г. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику / Г. Гусейнов // Архивы форума «Говорим по-русски». URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.
4. Бальмонт, К. Д. Где мой дом. Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / К. Д. Бальмонт / Сост. В. Крейд. М.: Республика, 1992. 448 с.
5. Русские цветы зла. Сборник / Сост. В. Ерофеев. М.: Зебра Е, 2004.

The Russian Language In The Conditions Of Intervention (Chronicles Of The Cultural War)

Andrey A. Ostapenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Kuban State University and Ekaterinodar Theological Seminary, Krasnodar, ost101@mail.ru

Temyr A. Khagurov, Doctor of Sociology, Professor of Kuban State University, Krasnodar, khagurov@mail.ru

Abstract: *The Russian language as one of the main staples of the multinational and multi-confessional Russian world in recent decades has been and continues to be subjected to violent interventions through the invasion of criminal jargon, swearing, Internet slang, unjustified use of Latin and Anglicisms. This, according to the authors of the article, leads to a sharp primitivization of the expressive means of the actual language, primarily among young people.*

Keywords: *Russian language, cultural war, language interventions, criminal jargon, swearing, Internet slang, anglicisms, language inversions.*

References

1. Hagurov, T. A. Vojna, kotoruyu mozhet vyigrat' uchitel' istorii i literatury. Razmyshleniya sociologa k 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoj vojny / T. A. Hagurov // Osnovy pravoslavnoj kul'tury v shkole. 2014. № 4. S. 10–23.
2. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. № 683. URL: <http://base.garant.ru/71296054/>.
3. Gusejnov, G. Berloga vebloga. Vvedenie v erraticheskuyu semantiku / G. Gusejnov // Arhivy foruma «Govorim po-russki». URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.
4. Bal'mont, K. D. Gde moj dom. Stihotvoreniya, hudozhestvennaya proza, stat'i, ocherki, pis'ma / K. D. Bal'mont / Sost. V. Krejd. M.: Respublika, 1992. 448 s.
5. Russkie cvety zla. Sbornik / Sost. V. Erofeev. M.: Zebra E, 2004.